

Питер Грин

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Царь четырех
сторон света

Питер Грин
Александр Македонский.
Царь четырех сторон света

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606885
Александр Македонский. Царь четырех сторон света: Центрполиграф; М.: 2010
ISBN 978-5-9524-4619-9

Аннотация

В книге английского писателя и критика, профессора истории Питера Грина повествуется о военных кампаниях Александра Македонского, великого завоевателя, сумевшего создать крупнейшую монархию древности. В книге приведены интереснейшие малоизвестные факты биографии Александра Македонского, ярко воссоздана историческая эпоха. Издание богато иллюстрировано и снабжено военными картами.

Содержание

Хронограф	4
Глава 1	7
Завоевания	13
Глава 2	14
Глава 3	19
После битвы при Херонее	24
Гегемон союза	27
«Освобождение греческих городов»	28
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Питер Грин Александр Македонский. Царь четырех сторон света

Хронограф (356—323 гг. до н. э.)

356 – Рождение Александра в Пелле. Точная дата неизвестна, но, как считается, между 20-м и 26 июля Филипп захватывает Потидею. Парменион побеждает пеонов и иллирийцев.

354 – Демосфен выступает против «священной войны» с Персией. Филипп теряет глаз во время Метонской кампании.

352 – Македония принимает беженцев. Филипп становится потенциальным лидером будущего «крестового похода» на Персию.

351 – Филипп ведет морскую борьбу с Афинами. Первая «филиппика» Демосфена.

348 – *Август*. Филипп захватывает Олинф. Провал попытки Эсхина объединить греков против Македонии.

346 – *Март*. Посольство афинян к Филиппу. Парменион осаждает Хал.

Апрель. Филократов мир. Второе афинское посольство продолжает миссию до июля.

Июль. Филипп занимает Фермопилы.

Август. Филипп председательствует во время Пифийских игр. Исократ публикует обращение к Филиппу.

344 – Филипп становится пожизненным фессалийским архонтом.

343 – Договор о ненападении между Филиппом и Артаксерксом. Дело Эсхина. Аристотель становится воспитателем Александра.

342 – Брат Олимпиады Александр наследует эпирский престол.

340 – Съезд союзников в Афинах. Демосфен награжден золотым венком. Александр становится регентом в Македонии. Основание им Александрополя. Кампания Филиппа против Византии.

339 – *Сентябрь*. Филипп занимает Элатью. «Панатенаик» Исократа.

338 – *Около 2 августа*. Битва при Херонее. Посольство Александра в Афины. Филипп женится на Клеопатре. Александр и Олимпиада покидают Македонию.

337 – *Весна*. Коринфский съезд провозглашает Эллинский союз.

Возвращение Александра в Пеллу.

Осень. Эллинский союз утверждает «священную войну» против Персии.

336 – *Весна*. Парменион и Аттал отправляются в Малую Азию для первоначальных военных действий.

Июнь. Воцарение Дария III.

Клеопатра рождает Филиппу сына.

Убийство Филиппа.

Александр воцаряется в Македонии.

Конец лета. Александр созывает съезд Эллинского союза и становится главнокомандующим в антиперсидском походе.

335 – *Ранняя весна*. Александр воюет во Фракии и в Иллирии.

Мятеж в Фивах.

334 – *Март – апрель*. Александр с войском вторгается в Малую Азию.

Май. Битва при Гранике.

Реформы в греческих городах в Малой Азии.

Взятие Милета.

Осень. Осада и взятие Галикарнаса войском Александра.

334—333 – Поход Александра через Ликию и Памфилию.

333 – Войско Александра направляется на север, в Гордий.

Ранняя весна. Смерть Мемнона.

Персы собирают войско в Вавилоне.

Эпизод с Гордиевым узлом.

Поход Александра на юг, к Киликийским Воротам.

Поход Дария на запад.

Сентябрь. Приход македонян в Тарс. Болезнь Александра.

Дарий пересекает Евфрат.

Сентябрь – октябрь (?). Битва при Иссе.

Поход Александра на юг, через Финикию.

Первые мирные предложения Дария.

332 – *Январь (?)*. Сдача Библа и Сидона.

Начало осады Тира.

Июнь (?). Новые мирные предложения Дария.

29 июля. Падение Тира.

Сентябрь – октябрь. Взятие Газы.

14 ноября (?). Коронование Александра в качестве фараона в Мемфисе.

331 – *Ранняя весна.* Посещение Александром оракула Амона.

7—8 апреля (?). Основание Александрии.

Александр возвращается в Тир.

Июль – август. Александр подходит к Тапсаку на Евфрате.

Дарий с войском выходит из Вавилона.

18 сентября. Александр пересекает Тигр.

Отклонение последних предложений Дария.

30 сентября (или 1 октября). Битва при Гавгамелах.

Поход македонского войска на Вавилон.

Середина октября. Сдача Вавилона.

Подавление мятежа Агиса в Мегалополисе.

Начало декабря. Александр беспрепятственно входит в Сузы.

330 – *Январь (?)*. Войско Александра входит в Персеполис.

Май (?). Сожжение храма и других зданий в Персеполисе.

Начало июля. Александр идет в поход на Экбатаны.

Бегство Дария в Бактрию.

В Экбатанах происходит демобилизация греческих союзников. Там остаются Парменион и Гарпал.

Возобновление преследования Дария через Каспийские Ворота.

Вторая половина июля. Дария находят убитым у Гекатомпила.

Бесс в Бактрии провозглашает себя «великим царем».

Июль – август. Начало гирканийского похода.

Конец августа. Поход на Дрангиану (озеро Систан).

«Заговор Филоты».

Поход через Арахозию.

329 – *Март – апрель.* Александр переходит через Гиндукуш.

Апрель – май. Наступление Александра в Бактрии. Отступление Бесса.

Июнь. Александр переходит Окс. Демобилизация ветеранов и фессалийцев.

Выдача Бесса.

Поход Александра на Мараканду (Самарканд).

Восстание Спитамена. Поражение македонского отряда.

329—328 – Войско Александра на зимних квартирах в Зариаспе.

Казнь Бесса.

328 – Кампания против Спитамена.

Осень. Убийство Клита Черного.

Поражение и гибель Спитамена.

327 – *Весна.* Взятие Согдианского Утеса.

Александр женится на Роксане.

Призыв 30 000 персидских «преемников».

Конец Каллисфена.

Начало лета. Александр снова переходит Гиндукуш.

Начало вторжения в Индию.

327—326 – Войско Александра достигает Нисы (Джелалабад). Дионисийское празднество.

Захват Аорна.

326 – Поход на Таксилу.

Битва с Пором при Гидаспе.

Смерть Буцефала.

Июль (?). Мятеж на Гифасисе.

Возвращение на Гидасп. Прибытие пополнений из Греции.

Начало ноября. Поход войска и флота вниз по реке.

326—325 – Кампания против брахманских городов. Александр тяжело ранен.

325 – Мятеж в Бактрии.

Александр достигает Паталы и строит порт.

Сентябрь (?). Поход Александра через Гедрозийскую пустыню.

Бегство казначея Гарпала в Грецию.

Декабрь. Начало чистки сатрапов.

Неарх с флотом достигает Гармозии. Встреча Неарха и Александра в Салме.

Прибытие Кратера из Дрангианы.

324 – *Январь.* Неарха с флотом отправляют в Сузы.

Эпизод на могиле Кира.

Александр возвращается в Персеполис.

Поход на Сузы с пребыванием там в феврале – марте.

Весна. Прибытие 30 000 персов-«преемников».

Массовые свадьбы в Сузах.

Март. Указы о возвращении изгнанников и об обожествлении царя.

Кратер назначается регентом вместо Антипатра и отправляется с войском на родину.

Александр отправляется в Экбатаны.

Кончина Гефестиона.

323 – Убийство Гарпала на Крите.

Весна. Кампания Александра против горцев и возвращение в Вавилон.

Александр исследует речной путь, путешествуя по болотам.

Кассандр, сын Антипатра, прибывает для переговоров с Александром.

29—30 мая. Болезнь Александра во время пира.

10—11 июня. Кончина Александра.

Глава 1

Филипп Македонский

История жизни Александра Великого самым тесным образом связана с историей жизни его отца, царя Филиппа, и с историей их родины, Македонии. Если не принять во внимание именно это, судьба Александра будет казаться нам кометой, быстро промелькнувшей по небу, величественной, но одинокой, неким необъяснимым чудом.

Александр, бесспорно, был гением, но даже и гений зависит от собственного окружения. Он стал самим собой в огромной мере благодаря своему отцу и своей стране, а потому с них и следует начать.

Однажды в начале сентября 356 г. до н. э. из Пеллы, новой македонской столицы, приехал гонец со срочными сообщениями для царя. Курьер прибыл в Потидею, город в Халкидике, где находилось в то время македонское войско. Он спешил: все знали, что Филипп, сын Аминты, бывший регент, ныне провозгласивший себя царем, не терпит нерадения и медлительности.

Если бы гонец не знал царя в лицо, ему трудно было бы разглядеть Филиппа в кругу военачальников. Филипп был в точно таком же пурпурном плаще и широкополой шляпе, как и большинство представителей македонской знати того времени.

Царю исполнилось двадцать семь лет; высокий мужчина с окладистой бородой, он любил вино и женщин, случалось, любил и мальчиков. Человек от природы жизнерадостный, он, прочитав донесения, привезенные курьером, обрел новые основания для веселья.

Во-первых, Парменион, самый надежный из царских полководцев, одержал решающую победу над соединенными силами иллирийцев и пеонов, могущественных племен, которые обитали на македонских болотах, примерно в тех местах, где сейчас находятся Албания и Сербия. Во-вторых, скачки на последних Олимпийских играх принесли Македонии первый приз. Наконец, самое лучшее: 20 июля его жена Миртала, больше известная как Олимпиада, родила сына Александра.

Говорят, дочитав донесения, Филипп обратился с просьбой к Фортуне принести ему небольшую неприятность, чтобы уравновесить столь великие удачи. Почему эти три события имели для Филиппа такое большое значение? Чтобы ответить на такой вопрос, надо заглянуть в прошлое Македонии с ее древними обычаями.

Географически и этнически Македония была разделена на две части – горную и равнинную, подобно тому как разделена далекая от нее Шотландия.

Нижняя Македония расположена на плодородной равнине, тянущейся к Эгейскому морю в районе нижнего течения рек Галиакмон (Вистрица) и Аксий (Вардар) и окруженной горами со всех сторон, кроме восточной, где естественной границей служила третья река, Стримон, или Струма.

Эта область стала первым государственным центром, где с древности обосновались полупоэтические скотоводческие племена, которых интересовали прежде всего хорошие пастбища. Столицей страны, пока Филипп не перенес ее в Пеллу¹, были Эги, живописный город-крепость на северо-западной границе.

Местность, необычайно богатую фруктовыми садами, народ называл «Садами Мидаса».

¹ Согласно другим современным данным, столицу перенес в Пеллу царь Архелай в начале IV в. до н. э. (Здесь и далее примеч. перев.)

Верхняя Македония – обширная, но труднодоступная горная лесистая область, составляющая единое географическое целое с Пэонией. Там есть несколько перевалов; наиболее известен проход через ущелье Темпе. Македония в целом была естественно изолирована от большей части Эллады и, подобно Спарте, сохранила установления, которых уже не было в других регионах (как царская власть или феодальное землевладение).

Верхняя Македония некогда разделялась на три автономных удельных государства: Элмию на юге, Орестиду и Линкестиду на западе и северо-западе. Первоначально эти области были независимыми, и в каждой правила своя амбициозная династия. Династия эпирских царей, западных соседей Македонии, претендовала на происхождение от внука Ахилла. Это обстоятельство оказало большое влияние на Александра, так как его мать Олимпиада происходила именно из этого рода.

Македонские владетели династии Аргеадов вели свою родословную от Геракла, а так как Геракл считался сыном Зевса, они именovali себя «рожденными Зевсом» (изображения Зевса и Геракла постоянно чеканились на монетах Филиппа).

По крайней мере с V в. до н. э. Аргеады считались традиционными государями Верхней Македонии. Их господство было очень похоже на господство Агамемнона над царьками Эллады. Каждый из местных царьков был полунезависимым. В отдаленных районах они не были особенно склонны сопротивляться вторжениям иллирийцев или пэонов и, весьма вероятно, порой оказывали им прямую поддержку.

Если к этому добавить бесконечные интриги при дворе самих Аргеадов, нередко кончавшиеся убийствами и узурпациями, станет ясно, почему Македония до Филиппа играла столь незначительную роль в греческой истории.

В греческих полисах относились к этому реликту догомеровской эпохи с откровенным пренебрежением. На македонян там смотрели как на полудикарей, не владеющих «нормальной» речью, приверженных к устаревшим политическим учреждениям, посредственных воинов, клятвопреступников, для которых убийства и кровосмешение стали привычным делом.

Поведение Македонии во время греко-персидских войн или Пелопоннесской войны также не способствовало тому, чтобы поставить ее в один ряд с патриотами из греческих полисов. Царь Александр I открыто сотрудничал с персами, выдал свою сестру за персидского сатрапа и состоял при армии Ксеркса в качестве своего рода агента связи, когда настойчиво советовал афинянам капитулировать, уверяя, что победить им не дано.

Его сын Пердикка II во время Пелопоннесской войны столько раз переходил с одной стороны на другую, что один современный ученый даже составил таблицу, чтобы показать, на чьей стороне этот государь находился в каждый конкретный момент, не говоря уже о его несообразном побочном сыне Архелая, который, чтобы сесть на престол, убил дядю, двоюродного брата, единокровного брата, женился на вдове своего отца и сам был убит в результате своих гомосексуальных интрижек.

История деятельности Пердикки и Архелая дает возможность судить о реальном потенциале Македонии. Удивительные метаморфозы Пердикки были связаны прежде всего с тем, что он в изобилии располагал сырьем, в котором весьма нуждались обе воюющие стороны – хорошей македонской елью, древесину которой использовали в кораблестроении. Он ограждал свою страну от серьезного вмешательства в военные действия во время Пелопоннесской войны, тем самым предотвратив опустошительную депопуляцию, которая ослабила Афины и Спарту.

Что касается Архелая, то он, благодаря своему пониманию реального положения вещей, впервые сформулировал основные проблемы, которые следовало разрешить, прежде чем Македония могла бы стать силой, способной решать дела Эллады; именно он серьезно взялся их решать.

Во-первых, следовало обезопасить страну от набегов беспокойных соседей, а для этого надо было усилить войско и объединить Верхнюю и Нижнюю Македонию. Во-вторых, следовало провести более широкую эллинизацию в целях культурной пропаганды, чтобы греческие государства начали принимать Македонию всерьез. Архелай, как и многие тираны древности, объявил себя поборником просвещения, покровителем литературы, искусства, науки.

Однако после убийства Архелая возводимое им здание рухнуло в один день, а за этим последовало сорок лет наихудшей анархии и смуты из всех, какие доводилось переживать Македонии. Права Архелая на трон считались очень слабыми, и вассалы из отдаленных областей воспользовались этим в своих целях. Само собой, большинство македонской знати предпочитало развлечения вроде охоты и попоек занятиям музыкой или литературой. Они получали истинное удовольствие от содомии, но не хотели портить его упадочной платоновской философией.

Немаловажно, что опекуном Ореста, сына Архелая, был Эроп, владетель Линкестиды. До 396 г. до н. э. они правили совместно, потом, укрепив свои позиции, Эроп отделился от Ореста и стал править один. Через два года он скончался, и ему наследовал сын Павсаний, но вскоре он был убит законным претендентом на трон из рода Аргеадов, внуком Александра I Аминтой. В 394 г. до н. э. Аминте было уже под шестьдесят. Он пытался заявить о правах на трон лет тридцать назад, оспорив права своего дяди Пердикки. Но даже со второй попытки ему было трудно добиться цели. Линкестидская знать во главе с сыном Павсания, призвав на помощь иллирийцев, изгнала Аминту из Македонии, но уже в 392 г. до н. э. он с помощью фессалийцев вернулся – на этот раз надолго.

Под именем Аминты II он правил до 370 г. до н. э., и, хотя был уже пожилым человеком, у него родилось три законных сына. Младшим из них и был Филипп, отец Александра Великого, рожденный в 382 г. до н. э., когда Аминте было за шестьдесят. Нетрудно понять, что возникли слухи насчет сомнительности рождения всех этих наследников.

Династия Аргеадов пользовалась дурной славой пьяниц, хапуг, убийц, клятвопреступников, трусливых и бездарных деспотов, и Аминта мало что сделал, чтобы улучшить эту репутацию.

Он был совершенно беспринципным в выборе союзников и, чтобы угодить Афины и укрепить свою шаткую власть, даже усыновил Ификрата, афинского полководца. Кроме того, при нем продолжали процветать дворцовые интриги. Царица Эвридика завела любовника по имени Птолемей и женила его на собственной дочери, очевидно, чтобы иметь предлог держать его около себя. Однако со временем Эвридика утратила бдительность, и Аминта однажды застал ее в постели с собственным зятем. Правда, как обычно, он ничего не предпринял. Царь был очень привязан к своей дочери и не хотел скандала, который мог бы ее огорчить.

Тогда любовники решили убить Аминту и провозгласить Птолемея царем. Однако они не учли, что дочь царя никогда бы не пошла на отцеубийство. Она своевременно предупредила царя о заговоре. Могла начаться новая смута, но Аминта вскоре скончался – быть может, от потрясения в преклонном возрасте (ему было не менее восьмидесяти лет).

О своих законных правах немедленно заявил старший сын царя Александр. Но хитрый Птолемей устроил так, чтобы Александр был убит во время македонского праздника народного танца, а сам женился на Эвридике и объявил себя регентом при Пердикке, брате Александра и следующим законным наследнике.

Сознавая, что создавшееся положение может привести к осложнениям за границей, Птолемей стал вести переговоры с фиванцами, чей полис тогда быстро превращался в самый могущественный в Греции. В знак верности он отправил в Фивы группу знатных заложни-

ков, среди которых был последний законный сын Аминты Филипп, в то время пятнадцатилетний юноша.

Едва ли Птолемей предвидел последствия этого. Ведь в Фивах Филипп находился вместе с Памменом, который был хорошим военачальником и к тому же близким другом разбившего непобедимую спартанскую армию при Левктрах Эпаминонда, которого, пожалуй, можно считать лучшим греческим полководцем до Александра Великого. Своей военной карьерой Филипп, а в дальнейшем и Александр были во многом обязаны урокам крупного фиванского военачальника.

Филипп понял важность профессиональной военной подготовки, тактических учений, тесного взаимодействия конницы и пехоты, сочетания основательного штабного планирования и быстрых действий. Наблюдая за маневрами фиванского «священного отряда», Филипп настолько изучил потенциал этой элитной части, что тридцать лет спустя они с сыном наголову разбили это знаменитое воинское соединение. Сверх того, Филипп усвоил важнейший принцип: «Самый лучший способ с наименьшей затратой сил победить противника – нанести ему удар не с самой слабой, а с самой сильной стороны».

Филипп прошел полезную, хотя и необычную школу борьбы за власть. Близость к македонскому царскому двору выработала у него циничный взгляд на человеческую природу. В этом мире убийства, кровосмешение, узурпации были обычным делом, и его собственная семья не стала исключением. В Фивах же он стал очевидцем слабостей демократии: постоянная грызня между различными партиями, недостаток сильной руки, невозможность быстро принимать решения в тяжелых ситуациях, непредсказуемое поведение участников народного собрания во время голосования, сама система ежегодных выборов, которая делала почти невозможным серьезное долгосрочное планирование, непрофессионализм «ополчения граждан» (хотя в Фивах дело обстояло куда лучше, чем, скажем, в Афинах).

Впервые Филипп начал понимать, что устаревший государственный строй, монархия и власть землевладельцев, столь презираемые остальными греками, могут стать источником силы в борьбе с такими противниками. В тогдашней Македонии, несмотря на все огрехи, монархи все же были верховными правителями, воцарение каждого из них утверждалось войском, и теоретически правитель мог быть низложен военными посредством голосования. Если не считать этого и расплывчатого требования соблюдать «традиционные законы и обычаи», царская власть была абсолютной.

Македонская знать, так же как английские или французские бароны, получала землю от царей и была за это обязана служить им вместе со своими вассалами. Именно из родоплеменной знати царь отбирал своих «гетайров» («друзей»), которые играли роль и совета, и главного штаба во время войны. Из их числа выбирали личную охрану царя – восемь человек, которые сопровождали царя не только во время войны, но и во время всех общественных мероприятий.

Как и Фессалия, другое военное коневодческое государство, Македония располагала хорошей тяжелой кавалерией. Лошади в Македонии были не крупные, ростом немного выше, чем пони, но коневоды сумели вывести и более крупную породу, скрестив своих малорослых лошадей с конями, захваченными во время греко-персидских войн. Македоняне не пользовались ни седлом, ни стремянами, как видно по изображениям на Сидонском саркофаге. Иначе говоря, у них в то время не было конных копьеносцев, известных в Средние века. Они располагали короткими копьями, которыми могли поражать противников во время ближнего боя. Старший брат Филиппа Александр во время своего кратковременного царствования создал также регулярную пехотную гвардию.

Это означало не просто воинскую категорию, но и определенный социальный статус. После убийства Александра пехотная гвардия сохранилась и была преобразована Филиппом в лучшее соединение тяжелой пехоты, существовавшее тогда в мире.

То была знаменитая македонская фаланга. Воины ее имели на вооружении страшные сариссы, копьа длиной 13—14 футов, больше всего похожие на средневековые швейцарские пики. Так как они были примерно вдвое длиннее обычных пехотных копий, македоняне всегда имели возможность нанести первый удар при соприкосновении с противником. Воины фаланги проходили такую же серьезную военную подготовку, как впоследствии римские легионеры.

Находясь в Фивах, Филипп наблюдал за развитием событий на родине, изучая тем временем военную тактику и слушая лекции наставника-пифагорейца.

Соппротивление правлению Птолемея было сильным, но исходило оно в основном из Линкестиды.

Никто не обращал внимания на молодого Пердикку, брата Филиппа, а это, как показало время, было ошибкой. Возможно, подобно Архелаю, Пердикка питал слабость к литературе и философии, но это был не такой человек, с которым можно было не считаться. Он подождал года три, пока его позиции укрепились (нового регента уже нельзя было назначить), а затем арестовал и казнил Птолемея в 365 г. (или, по другим сведениям, в 364 г.) до н. э.

После этого Пердикка сам стал править Македонией, а в числе первоочередных дел добился освобождения Филиппа из Фив. Когда тот вернулся, Пердикка назначил его управляющим одной из провинций, чтобы Филипп там собирал и обучал войско.

Филипп сразу начал претворять в жизнь уроки Эпаминонда, добившись от воинов дисциплины и организованности. Македоняне-пехотинцы начали теперь заниматься тактическими маневрами и принимать участие в комплексных учениях. Крестьяне и знатные люди на равных несли тяготы военных занятий, нравилось им это или нет. Медленно, но верно Филипп создавал профессиональное войско, используя основы военного дела, существовавшие в Македонии, чтобы осуществить свои нововведения.

К 359 г. до н. э. власть Пердикки настолько усилилась, что он смог заняться иллирийскими делами. Положение на западной границе к этому времени стало нетерпимым. Линкестидцы снова вышли из-под контроля центральной власти, и у Пердикки не было гарантий, что он однажды не будет свергнут в результате переворота, поддержанного иллирийцами. Он оставил Филиппа регентом при малолетнем сыне Аминте и, собрав большое войско, отправился на запад. Но через несколько дней гонец принес в Пеллу весть, что Пердикка потерпел поражение и сам погиб в битве с иллирийцами, а еще 4000 македонян навеки остались на поле боя. Филипп, наконец, достиг, фактически, полной власти. Частично умиротворив, частично подавив внутреннее сопротивление, Филипп зиму 359/358 г. до н. э. посвятил усиленной программе военного обучения. Ранней весной пришло известие о смерти пэонского царя. Пройдя с войском через северные перевалы, Филипп разгромил пэонов и заставил их признать македонское господство.

Нападение – лучший вид обороны. Филипп понимал, что у него сейчас есть шанс раз и навсегда покончить с иллирийской угрозой. Но это была труднейшая задача. Филипп отправился в поход с 600 всадниками и примерно 10 000 пехотинцев. Иллирийский царь Бардил встревожился и предложил мир, но на условиях сохранения статус-кво: он отказывался вернуть захваченные земли. Филипп отверг эти предложения. Два войска встретились на равнине у Охридского озера.

В этом случае Филипп впервые стал применять уроки тактики, полученные от Эпаминонда, как в дальнейшем их стал применять Александр. Существенных количественных различий между двумя войсками не было, все решали лучшая организованность и дисциплина. Иллирийцы, опасаясь окружения с флангов, построились в каре. Филипп сам повел в бой пехоту, построив ее так, что центр и левый фланг находились сзади, и развернув свое войско по косой линии (специфическая тактика Эпаминонда).

Как и предвидел Филипп, правый фланг иллирийцев растянулся, так как они стремились атаковать необычно построенное войско противника. Филипп дождался, пока на левом фланге число врагов сильно поредело, и повел в наступление находившуюся на правом фланге конницу, а затем – остальных воинов. Македоняне вклинились в неприятельское войско там, где ряды врагов поредели, и за конницей последовала фаланга.

Началась долгая, жестокая схватка. Наконец, сопротивление противника было сломлено. Македоняне уничтожили 7000 иллирийцев, с лихвой отплатив за поражение и гибель Пердикки.

Так была выработана тактика, которая в дальнейшем помогла Александру одержать победы в битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах.

В качестве победителя Филипп мог диктовать свои условия и воспользовался этой возможностью. Бардил нехотя, под тяжестью понесенного поражения, оставил все захваченные македонские земли, и иллирийская граница стала, наконец, безопасной.

После этой победы престиж Филиппа чрезвычайно возрос. На какое-то время он стал национальным героем, но на повестке дня оставался вопрос, как долго он будет довольствоваться положением регента.

Одной из уступок, которой Филипп добился от Бардила, была рука его дочери. Опирающиеся на древние традиции сообщества, такие как македонское, фракийское или иллирийское, в отличие от греческих полисов, основывались на племенной системе родства и взаимных обязательств. Сородичи с меньшей долей вероятности могли вступить в заговор против правителя, а дочь побежденного практически оказывалась заложницей высокого ранга.

Филипп, разумеется, не мог не использовать это дипломатическое оружие. За его сравнительно короткую жизнь у него было не менее пяти жен. И все же союз с иллирийской царевной Одатой лишь временно укрепил безопасность Филиппа за рубежом и мало что дал для стабильности внутри страны. Одата скончалась, видимо от родов, весной 357 г. до н. э., оставив Филиппу дочь Кинану, а не наследника, на которого он рассчитывал.

Тогда он женился на Филе, элимиотской царевне, но и она, по-видимому, умерла вскоре после свадьбы, и уже в конце лета того же года Филиппу снова пришлось искать невесту. Его третьей, наиболее известной супругой стала опять-таки иностранка, царевна из эпирского дома.

С Иллирией был достигнут временный мир, а союз с ее южным соседом и соперником давал немалые преимущества. У тамошнего правителя Арриба было две племянницы. На старшей он женился сам, но младшая, Миртала, она же Олимпиада, оставалась незамужней. Арриб на удивление быстро согласился на ее брак с Филиппом.

Осенью 357 г. до н. э. Филипп женился на эпирской царевне и впервые почувствовал, что с женой нелегко справляться. Олимпиаде было лет восемнадцать, не больше, но вскоре стало очевидно, что это особа с трудным и эксцентричным характером. В частности, она была страстно привержена к оргиастическим дионисийским обрядам, и эта ее страсть едва ли была совместима с мирной семейной жизнью. Кроме того, Олимпиада любила держать дома ручных змей.

Современные источники, признавая красоту Олимпиады, говорят в то же время о ее угрюмости, ревливости, жестокости, надменности, взбалмошности. Ко всему этому следует добавить политические амбиции и бурный темперамент. Она желала быть полновластной царицей, не считаясь со знатью, и в дальнейшем вовлекла Филиппа в тяжелый кризис. Но в первое время брака его главным желанием было иметь наследника, и скоро Олимпиада забеременела.

Завоевания

До сих пор Филипп едва ли делал ошибки как стратег и дипломат, однако, строя планы экспансии, он не сразу учел, что необходим постоянный источник дохода.

Как и его сын, Филипп не был экономистом по натуре. Для обоих характерно пиратское отношение к финансам, которые означали просто достаточное количество золота и серебра в подвалах. Финансы отождествлялись с сокровищами. И отец и сын знали только два способа добывать драгоценные металлы: либо извлечь их из земли, либо ограбить того, кто слабее.

Ближайшим источником золота был Пангейский район на восток от Стримона. Весной 356 г. до н. э. Филипп захватил Кренид, ключевую цитадель региона, переименовал ее в Филиппу, отправил туда немалое число поселенцев и заставил своих рудокопов взяться за работу.

Вскоре, благодаря притоку золота в македонскую казну, годовой доход Филиппа возрос до 1000 талантов (примерно столько же в V в. до н. э. получили Афины от своей огромной морской империи).

Филипп немедленно начал чеканить золотую монету в большом количестве: статеры, которые царь назвал филиппами (вероятно, в противовес персидским дарикам, получившим название по имени царя Дария), а также серебряные шекели.

Получаемые доходы в значительной мере поглощались почти уже профессиональной армией и щедрыми взятками заграничным политикам, на что Филипп никогда не скупился.

Однако вернемся к началу нашего повествования. Итак, однажды в сентябре 356 г. до н. э. Филипп Македонский читал депеши из Пеллы и просил судьбу послать ему некоторое количество неприятностей, чтобы уравновесить успехи.

Менее чем за четыре года Македония при нем из захолустного царства превратилась в одно из сильнейших государств Эллады. Опасность, угрожавшая на границах, была уничтожена. Страна получала хороший государственный доход. Родился уже законный наследник престола. Была создана и обучена новая армия, и вассалы, наконец, признали главенство Аргеадов. Олимпийская победа должна была, как надеялся Филипп, означать начало признания Македонии эллинами, прежде всего афинянами.

Отношение Филиппа к афинянам всегда было до известной степени противоречивым. Он презирал их ядовитую демагогию, риторическое пустозвонство, интриги, а демократию в целом считал смешной.

«Афиняне, – заметил Филипп однажды, – ухитряются раздобывать по десять полководцев в год. А я за всю жизнь открыл одного – Пармениона». Но при этом нельзя сказать, что Филипп недооценивал своих противников. Он знал, что их дразни нередко уживаются с искренним патриотизмом и что даже при демократии люди иногда могут действовать быстро и решительно.

У Филиппа были основания опасаться сильного афинского флота, Македония никогда не была морской державой. Вместе с тем, несмотря на презрение Филиппа к Афинам, невольное уважение у него вызывало их почти легендарное прошлое.

Теперь, наконец, Филипп был готов к той череде удивительных завоеваний, которая завершилась его преждевременной гибелью. Он послал поздравления жене по случаю рождения наследника, дрессировщику лошади и всаднику – за получение приза и Пармениону, одержавшему военную победу.

Затем Филипп с триумфом вернулся в столицу. Не составляло особого труда убедить сына Пердикки, Аминту, формально отречься от престола. Войско, пользуясь традиционной прерогативой, провозгласило Филиппа царем под одобрительные возгласы толпы народа. Его регентство завершилось, и началась новая эпоха.

Глава 2

«Сады Мидаса»

В исторических источниках прямых свидетельств о детстве Александра сохранилось не удивление мало, да и те, что есть, имеют лишь ограниченную ценность. Судя по этим сведениям, он был не обычным нормальным ребенком, но странным «взрослым мальчиком». Рассказывают, что, когда Александру было всего семь лет, он, в отсутствие Филиппа, принимал группу персидских посланников, которые привезли от царя весть о помиловании и отзыве трех мятежников, нашедших приют у Филиппа: Менапия Египетского, сатрапа Артабаза и греческого военачальника-наемника Мемнона. После обычного обмена любезностями Александр принялся допрашивать гостей, словно настоящий контрразведчик. Он не проявлял жадного интереса к «висячим садам» или великолепию персидского двора. Его интересовали численность и моральный дух персидского войска, расстояние до Суз и качество ведущих туда дорог.

Этот анекдот был явно использован в пропагандистских целях, но похоже, что он содержит зерно истины. По словам Плутарха, на посланников эта беседа произвела немалое впечатление. Конечно, они могли и не открыть Александру то, о чем он хотел узнать. Что касается Артабаза и Мемнона, то они едва ли забыли этот случай. По прихоти судьбы один из них впоследствии стал сатрапом самого Александра на Востоке, а другой его противником в Малой Азии.

Агрессивная политика его отца не подлежит сомнению. Вот как описывает его карьеру до 349 г. до н. э. Демосфен: «Следил ли кто-нибудь из вас за успехами Филиппа, проследил ли его путь от слабости к мощи? Сначала он захватывает Амфиполис, потом Пидну, потом Потидею. После этого наступает черед Метона, после чего он совершает поход на Фессалию... а затем – на Фракию, низложив местных властителей и назначив на их место своих людей. После этого он ненадолго заболел, но сразу по выздоровлении отправился походом на Олинф. Это не считая нескольких мелких войн в Иллирии, Пэонии и с царем Аррибом».

Отношение Александра к Филиппу было сложным и противоречивым, искреннее восхищение уживалось в его душе со скрытым духом соперничества. С одной стороны, отец был для Александра почти кумиром, с другой – дух соперничества вызывал к жизни сложную смесь любви и неприязни.

Следуя по стопам отца, мальчик хотел не только ни в чем не отставать от него, но и превзойти. Мальчиком он отождествлял себя с Ахиллом, от которого будто бы происходил род его матери. С отцовской же стороны Александр мог проследить свое происхождение вплоть до Геракла. Было бы крупной ошибкой недооценивать серьезность, с которой в Древнем мире относились к подобным генеалогиям. Героические мифы были и для греков и для македонян живой реальностью, к которой периодически обращались политики и полемисты. Без таких обращений к мифологии их просто не стали бы слушать.

Из истории кое-что известно об учителях Александра, но почти невозможно узнать, чему и как они его учили. Его няню звали Ланис. Брат ее Клит, прозванный Черным, спас жизнь Александру Македонскому во время битвы при Гранике, но был убит последним много лет спустя, во время пьяной ссоры в Самарканде. Первым его наставником стал родственник Олимпиады, суровый служака Леонид, сыгравший немалую роль в физическом развитии будущего полководца. Александр вспоминал, что, по мнению Леонида, лучшим завтраком был ночной поход, а лучшим ужином – легкий завтрак.

Подобная дисциплина в детстве раздражала мальчика, но тренировки Леонида сыграли для будущего военачальника немалую роль. Впоследствии его собственная физическая

выносливость, его форсированные марши через пустыни или горы стали легендарными. Александр помнил уроки своего медведя учителя. Существует один рассказ об их взаимоотношениях, на который до сих пор не обращали надлежащего внимания. Говорят, однажды юный царевич во время жертвоприношения с царской щедростью бросил две полные горсти благовоний в огонь на жертвеннике, за что получил нагоняй от учителя. С профессиональным сарказмом наставника Леонид заметил: «Когда ты завоюешь страны, богатые пряностями, ты можешь тратить благовония, как тебе вздумается, а пока побереги их». Много лет спустя Александр Македонский захватил Газу, главный источник пряностей на Среднем Востоке. Как всегда, он отправил домой подарки матери и сестре, но на этот раз у него был подарок и для Леонида. Старику, говорят, было доставлено не менее 18 тонн пряностей, ладана и мирры в память «о надежде, которую учитель поселил в душе мальчика», с предписанием впредь не быть скупым по отношению к богам. Этот рассказ многое дает для понимания характера Александра. Каждому, кому случилось нанести ему обиду, пусть малую, рано или поздно приходилось об этом пожалеть. Он ничего не забывал и редко что прощал. Его непреклонность, пожалуй, равнялась его долготерпению. Александр мог ждать своего часа, а когда наступал подходящий момент – нанести удар.

Юного Александра учили музыке (особенно ему нравилась лира), чтению и письму. Особые наставники обучали его фехтованию, стрельбе из лука, метанию копья. Как большинство детей македонской знати, он научился ездить верхом едва ли не раньше, чем ходить.

С его искусством верховой езды связана одна из самых интересных историй, которые рассказывают об этом человеке. Когда ему было всего лет восемь или девять, фессалийский коневод Филоник по случаю Олимпийских игр, устроенных Филиппом в Диуме, привел царю чистопородного коня, предложив купить его за немалую сумму в тринадцать талантов. Конь этот был вороной, с белой звездочкой на лбу, с клеймом Филоника, и звали коня Буцефалом. Чтобы соответствовать такой стоимости, жеребец должен был достигнуть лучшего для коней возраста семи лет. Филипп с друзьями и приближенными отправился на равнину, чтобы испытать коня, с ними был и Александр. Вскоре царские конюхи нашли, что Буцефал совершенно неуправляем. Филипп рассердился и предложил Филонику забрать своего жеребца. Для Александра это было слишком.

– Какого коня они упустили! – воскликнул он. – А все потому, что у них нет искусства или мужества совладать с ним.

– Вот как, – сказал Филипп, с любопытством глядя на восьмилетнего сына. – Так ты считаешь, что лучше разбираешься в лошадях, чем старшие?

– Ну, с этим конем я бы определенно справился лучше, чем они.

– Ну, хорошо, – ответил отец. – Допустим, ты попытаешься это сделать и потерпишь неудачу. Чем ты готов заплатить за свою самонадеянность?

– Готов заплатить цену коня, – был ответ.

Люди, окружавшие царя, рассмеялись, услышав эти слова.

– Решено, – ответил Филипп.

Александр подбежал к Буцефалу, взял его под уздцы и повернул к солнцу (мальчик заметил, что жеребца смущает его подвижная тень). Александр некоторое время постоял рядом с конем, поглаживая его, чтобы успокоить, а затем сбросил плащ и вскочил на Буцефала с тем проворством, которое отличало его и в зрелые годы. Сначала седок натянул поводья, потом отпустил, и конь помчался по равнине.

Филипп и окружавшие его люди, как сообщает Плутарх, «от волнения потеряли дар речи», но Александр вскоре прискакал обратно, к восторгу всех присутствующих. Филипп пошутил, не без гордости: «Тебе придется искать себе другое царство – Македония маловата для тебя». Но именно Демарат из Коринфа привел это дело к триумфальному окончанию, купив Буцефала и подарив его Александру. С тех пор конь и мальчик стали нераз-

лучными. Александр верхом на Буцефале участвовал в дальнейшем в большинстве своих славных битв.

В августе 348 г. до н. э. пал осажденный Филиппом Олинф, и два его уцелевших единокровных брата были схвачены и казнены. Афиняне, занятые собственными сложными проблемами, прислали подкрепления слишком поздно. Они подняли шум об измене и коварстве, а Эсхин проклинал жестокость и властолюбие Филиппа, однако попытка Эсхина объединить греческие полисы против Македонии кончилась полным провалом. Афиняне успокоили свою совесть, принимая олинфских беженцев, и после других переговоров, в 346 г. до н. э., отправили в Пеллу посольство с миром. Македония быстро превратилась в самую могущественную державу на Балканском полуострове.

Именно в то время старейший афинский оратор Исократ сделал достоянием гласности свое «Слово к Филиппу», призывая к общеэллинскому походу против Персии под руководством македонского царя. Эта идея была не нова – нечто подобное Исократ высказывал еще в 380 г. до н. э. в «Панегирике», где призывал Афины возглавить «крестовый поход» против варварской Азии вместе с обновленной Спартой. Тогда эта затея не имела никакого успеха, но оратор не терял веры в то, что он называл «единственной войной, которая лучше мира и скорее похожа на священную миссию, чем на военный поход». Несмотря на различия между «Панегириком» и «Словом к Филиппу» (с тех пор идеализм Исократ сильно потускнел), ряд основных положений сохранился. В обоих речах подчеркивались изнеженность и трусость, будто бы свойственные персам, и их неспособность вести войну, а также то обстоятельство, что можно будет захватить большую добычу малыми силами. В обеих содержалась идея совместной борьбы против общего врага как альтернативы нескончаемым междоусобицам, раздиравшим Грецию. Однако у обращения к Филиппу, с учетом адресата, были свои особенности. Здесь не подчеркивались достоинства демократических учреждений, зато шла речь о преимуществах единодержавия. Проводилась также параллель с войной Геракла против Трои, к общему благу рода людского. Геракл же считался предком Филиппа, а Исократ так его и расценивал. Исократ провозгласил, что царь «имеет право считать всю Элладу своей родиной», это было риторической гиперболой, но Филипп, когда нужно, готов был понимать ее более буквально, чем задумал автор.

Возможно, царя все это и позабавило, но, во всяком случае, он не остался неблагодарным. Филиппу было приятно и выгодно, что такой признанный в Афинах авторитет подтверждал его происхождение от Геркулеса. Главное же – идеи Исократ имели большой практический смысл, а кое-что из его положений постепенно было действительно реализовано. Не будучи панэллинистом по сути, Филипп сразу понял, что панэллинизм может стать очень удобным прикрытием.

Царя Персии Артаксеркса III одни характеризовали как «последнего великого правителя Древнего Востока», другие – как «самого кровожадного царя из Ахеменидов» (одно не обязательно исключает другое).

Суровый режим побудил некоторых из его подданных к мятежам, а еще многих сделал изгнанниками. Некоторые из их числа связали свои надежды с молодым и могущественным македонским царем, который мог бы помочь в борьбе с Ахеменидами. Филипп же, предоставив убежище некоторым из таких людей, вовсе не старался их разубедить. Кроме того, он оказывал негласную поддержку некоторым полунезависимым царькам в Малой Азии, вроде Гермея, евнуха-вольноотпущенника, правившего Атарном, по соседству с Митиленой. Его территорию Филипп рассматривал как наиболее подходящий плацдарм для своего возможного вторжения в этот регион. Другое дело – насколько надежным мог быть подобный союз. Гермей начал подозревать, что царь и против него что-то замышляет. К этому времени один из приближенных этого правителя должен был очень пригодиться Филиппу, находясь в Пелле, поскольку располагал конфиденциальной информацией. Это был сын придворного

врача Аминты, тремя годами старше самого Филиппа, учившийся у Платона в Академии и ставший придворным философом Гермия. Однако помимо философских занятий он был тайным агентом – долговязым, лысоватым, с маленькими глазками. Может быть, чтобы компенсировать непримечательную внешность, он старался одеваться и причесываться как щеголь. Пальцы украшало множество колец. Его, пожалуй, можно было бы в этом отношении сравнить с молодым Дизраэли² в его хорошую пору. Звали его Аристотелем.

В 345 г. до н. э. прозорливый философ переселился из Атарна в отделенные от него проливом Митилены. Примерно через год Аристотель получил приглашение Филиппа стать за хорошую плату учителем юного Александра. Мальчику было тринадцать лет, и ему нужен был хороший наставник. При этом Филипп осторожно присовокупил, что мальчик немного неуправляем. Аристотелю предлагалось не обычное обучение, но очень ответственное, как в личном, так и в общественном смысле, дело воспитания. Философ, не колеблясь, согласился.

Тогда Александр был юношей выше среднего роста, статным, мускулистым. Его светлые длинные волосы часто сравнивали с гривой льва. Глаза у него были разные, один голубой, другой темно-карий. Голос его в минуты волнения становился высоким и резким. Походку отличали быстрота и нервозность (тут он подражал Леониду), и ходил Александр слегка приподняв голову.

Филипп мудро рассудил, что столица с ее интригами и назойливым влиянием Олимпиады не место для молодого царевича. Высшее образование требовало сельского уединения. Поэтому Филипп предложил Аристотелю так называемое «святилище Нимф», в Мъезе, деревеньке к северу от Веррии (Береи). Это была, как считалось, часть «Садов Мидаса», ныне район Веррия – Наусса – Водена, богатый хорошими виноградниками и садами. Во времена Плутарха гостям еще показывали каменные скамейки и тенистые аллеи, где Аристотель проводил свои занятия.

Филиппу очень нравилось, что его сын усердно учится, стараясь воспринять все, что мог дать ему Аристотель. «Может быть, – говорил отец, – ты не повторишь многих моих ошибок». Тогда Александр поставил перед Филиппом вопрос о том, что он – не единственный наследник, поскольку у отца, очевидно, есть дети не только от жены. Не то чтобы царевич хотел разыграть перед отцом роль юного Гамлета; он просто выражал естественное беспокойство по поводу престолонаследия. В конце концов, у Филиппа хватало забот со своими незаконнорожденными братьями, и Александру было бы совсем ни к чему проходить через все это в свою очередь. Ответ царя на дерзкое замечание сына показывает, что Филипп понимал суть дела. Он сказал: «Что же, если у тебя будут соперники в борьбе за престол, докажи, что ты самый достойный и обязан царской властью не мне, но себе самому».

Как настоящий эллинский философ, Аристотель должен был воспринять царский статус своего ученика как нечто необычное. Тогда все политические теории, либеральные или авторитарные, были так или иначе связаны с республиканской формой правления. Однако, судя по его тактике, философ справился с этой трудностью. Аристотель нашел единственное оправдание для монархии – выдающуюся «аретэ», то есть личные достоинства монарха. Монархия морально не одобрялась³, но за исключением случаев, когда аретэ царя или его семьи превосходила аретэ всех остальных граждан. Аристотель, будучи служащим Филиппа, не мог только прямо сказать, что дом Аргеадов вполне соответствует этой характеристике.

По персидскому вопросу Аристотель выступал бескомпромиссным этноцентристом. Он верил, что рабство – естественное учреждение, а все «варвары» (негреки) являются

² Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804—1881) – английский политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1868-м и в 1874—1880 гг.; лидер консерваторов; писатель. (*Примеч. ред.*)

³ В действительности дело обстояло сложнее: Аристотель, при известных оговорках, признавал монархию (в отличие от тирании) допустимой формой правления.

«рабами по природе», а потому правильным должно признать порядок, когда греки правят варварами, но не наоборот. Как и многие интеллектуалы, опирающиеся на расизм, Аристотель выводил доказательства из геополитики или «естественного права». Известен фрагмент, где он советует Александру «быть вождем для эллинов и деспотом для варваров; к первым относиться как к родным или друзьям, а со вторыми обращаться как с животными или растениями». Здесь Аристотель исходил из эллинской культурной традиции, и нет причин считать, что Александр не разделял, вполне искренне, эти расистские взгляды. Варвары считались достойными презрения, потому что они жили «целиком во власти лишь своих чувств и ощущений». Разумеется, это учение должно было импонировать Александру, который отдавал первенство самоконтролю и самоограничению. Что касается советов Аристотеля насчет того, как надо обращаться с эллинами и варварами, то они могли легко приобрести практический смысл. Если хочешь кого-то использовать наилучшим образом, надо сделать так, чтобы он тебе помогал. К эллинам надо относиться как к равным и демонстрировать уважение к их чувству независимости, пусть иллюзорному. Что касается варваров, они понимают и уважают только жесткий авторитаризм. Какое бы значение ни придавал этому своему уроку Аристотель, Александр его хорошо усвоил и, как увидим из дальнейшего изложения, не раз применял на практике. Он усвоил и всестороннее научное любопытство учителя, а также сопутствующий этому сугубо практический склад ума. Он проявлял интерес к медицине и биологии, любимым предметам Аристотеля, читал и обсуждал поэтов, первым долгом Гомера, учился основам геометрии, астрономии и риторики, прежде всего – искусству ведения спора и умению рассматривать предмет с разных сторон (эвристика). Это искусство пришлось Александру очень по душе, и в этом смысле уроки Аристотеля имели очень весомые последствия.

Александр провел около трех лет в «Садах Мидаса», и за это время ухудшились отношения между Македонией и Грецией, в особенности с Афинами. Филипп обвинял афинян в поддержке каперства, то есть узаконенного пиратства на Дарданеллах; Демосфен опасался, что Филипп в отместку может отрезать жизненно важный для Афин зерновой путь на Босфоре. За всеми этими политическими маневрами в 342—338 гг. до н. э. стояла угроза экономического шантажа.

Демосфен, с обычной для него страстностью, поднял тревогу по этому поводу в народном собрании. Во многом по его настоянию в Греции сформировалась новая антимакедонская коалиция. Византий⁴ и Абид присоединились к афинским союзникам, и, что особенно важно, был заключен союз и с персидским царем. Артаксеркс не только открыто выступил против Македонии, но и, не жалея золота, подкупал нейтральные государства, чтобы они последовали его примеру. Филипп столкнулся, пожалуй, с самым серьезным кризисом за все время своего правления.

Он действовал с обычной быстротой и твердостью. Для пробы предложил Византию, формально остававшегося его союзником, принять участие в совместных действиях против афинских пиратов. Получив отказ, Филипп мобилизовал свой новый флот. Так как он принял командование на себя, шестнадцатилетний Александр был отозван из Пеллы и провозглашен регентом и хранителем царской печати, а советником его был назначен опытный Антипатр.

⁴ Византий – древний город на европейском берегу пролива Босфор. В 324—330 гг. на его месте основан Константинополь (с 1453 г. Стамбул), ставший столицей Византийской империи (другие названия: Византия, Восточная Римская империя). (Примеч. ред.)

Глава 3

На жизненном пути

Школьные дни для Александра закончились. Отныне молодой наследный принц должен был проходить гораздо более суровую школу, сопряженную с большей ответственностью, чем мог бы это представить даже Исократ. Возможно, Филипп сознательно пошел на это: и его, и Олимпиаду волновал недостаток у Александра гетеросексуальных интересов. Но в регентстве Александра не было ничего женственного. Не успел Филипп отправиться на византийскую кампанию, как началось восстание среди пограничных племен Фракии и Пэонии. Александр с экспедиционным отрядом отправился на север, разгромил мятежников, захватил их город и превратил его в македонский военный форпост. Новое поселение он назвал Александрополисом – это могло стать сигналом тревоги для Филиппа. Претензии Александра на царскую власть не ограничивались пределами регентства – рано или поздно должны были возникнуть противоречия между отцом и сыном.

Но в то время они оставались друзьями и соратниками. Филипп постоянно переписывался с юным регентом. Судя по сохранившимся отрывкам, советы царя были продиктованы не меньшей родительской заботой, чем советы лорда Честерфилда⁵. По словам Плутарха, «он советовал ему заводить друзей среди влиятельных людей, как добрых, так и злых, а в дальнейшем пользоваться услугами добрых людей и хладнокровно использовать злых». Сообщение, что Александр пытался заручиться поддержкой некоторых македонян с помощью подкупа, вызвало раздражение отца. Поскольку Филипп был мастером своего дела, к его словам стоит прислушаться. Он спрашивал сына: «Откуда ты взял эту ложную идею, что ты сможешь обрести верных друзей среди тех, чью привязанность ты купил за деньги?»

К лету 339 г. до н. э. положение Филиппа стало критическим. Несколько лет он успешно проводил по отношению к греческим полисам политику «разделяй и властвуй», теперь же возникла реальная угроза их объединения против него. Он стремился к войне против персов под знаменем панэллинизма, чтобы Афины, Фивы и Спарта, добровольно или по принуждению, присоединились к нему; а между тем греки объединились с Артаксерксом, и, если Филипп не стал бы действовать быстро, они сами могли бы вторгнуться на его территорию.

Он действовал быстрее, чем могли ожидать его противники. Вся македонская армия уже находилась в Центральной Элладе на вполне законном основании. Однако, раз она уже была там, кто мог предсказать, куда она направится после этого? Филипп, с помощью дымовой завесы дипломатических ухищрений, постоянно старался усыпить бдительность эллинов, скрывая от них свои истинные цели. Его посольства были отправлены в Афины и Фивы, чтобы не допустить договора между этими двумя могущественными полисами.

⁵ Честерфилд Филипп Дормер Стенхон (1694—1773) – граф, английский государственный деятель и писатель. «Письма к сыну» (изд. в 1774) – свод норм и правил поведения в духе эпохи Просвещения. (Примеч. ред.)

Но и тогда Филипп не потерял надежду на мирное урегулирование, особенно с Афинами. Союз с ними был бы очень почетным. Это помогло бы привлечь на его сторону некоторые, еще не определившие свои позиции государства, но если это не удалось бы, следовало вступить в бой с афинским войском и победить его на глазах у всего мира. Так или иначе, Филиппу надо было вызвать афинян и их союзников на бой на его условиях – не на море, где у них были преимущества, но против македонских фаланг.

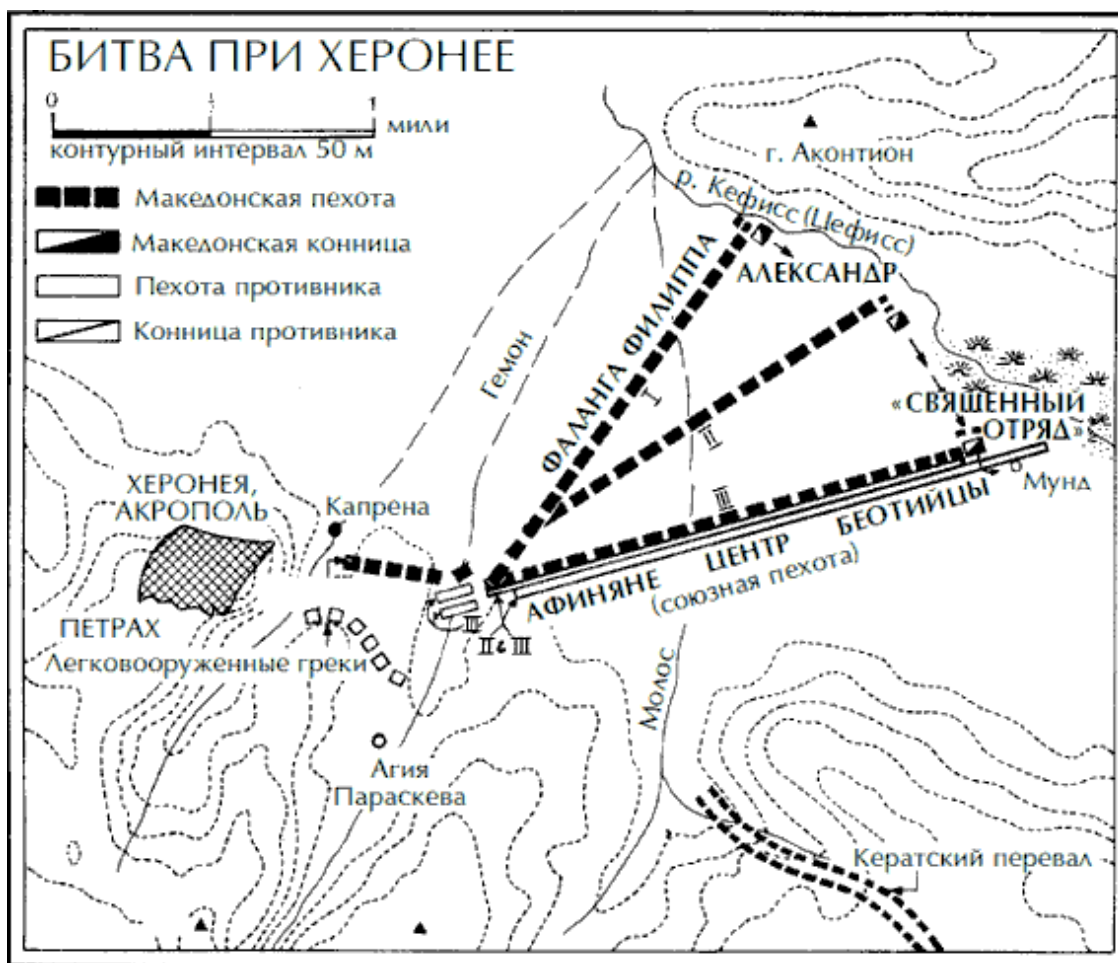
Однажды сентябрьским вечером испуганные члены афинского собрания услышали весть, что Филипп, вместо осады Амфиссы (провозглашенная им цель), занял Элатею, ключевой пункт на главном пути в Фивы и Аттику. Демосфен на этот раз предстал перед афинянами патриотом и героем дня. Силой убеждения ему тогда удалось добиться того, чего и опасался Филипп: афино-фиванского союза. Афинское войско вошло в Беотию, и новые союзники начали укреплять северо-западные пути в Центральную Грецию. 10 000 наемников послали на запад, прикрывать дорогу от возможного нападения из Амфиссы. Однако главной военной силой Афин по-прежнему оставался флот. В то время они располагали примерно 300 боеспособными кораблями. Афинские операции в Дарданеллах и во время осады

Византия показали уязвимость морских сил Филиппа. Демосфен же предложил блокировать наступление македонян на суше. Филиппа это вполне устраивало.

Теперь ему стоило только выманить греков с их оборонительных позиций и навязать им столкновение. Остальное должны были сделать сильная македонская кавалерия и обученные отряды фаланги. Филипп подослал греческим наемникам на западе ложное донесение о том, что царь будто бы уводит свое войско в связи с восстанием во Фракии. Решив, что Филипп ушел, греки утратили бдительность, а царь совершил на них неожиданное ночное нападение и разгромил их. После этого остальным греческим войскам пришлось оставить горные переходы и построить линию обороны при Херонее. Это была сильная позиция. Кавалерия с обеих сторон насчитывала около 2000 человек, а пехотинцев было у греков 35 000, а у Филиппа всего 30 000. В этих обстоятельствах Филипп пред принял еще одну, последнюю попытку вступить в переговоры. Фокион с эгейского севера рекомендовал принять условия, но непреклонный Демосфен не желал об этом и слышать. Царь, видя неудачу в дипломатии, приготовился к решающему сражению. Он захватил Навпакт (как и предполагали афиняне), оставил небольшой гарнизон в Дельфах, а основное войско повел к Херонее. Именно там 4 августа 338 г. до н. э. встретились две армии в одной из самых значительных битв в древней истории.

Битва началась на рассвете. У союзников на правом фланге стояли беотийцы во главе со знаменитым Фиванским полком, около 12 000 человек. Слева находилось 10 000 афинских поспешно собранных тяжеловооруженных пехотинцев. В центре располагались силы остальных союзников и еще 5000 наемников. Еще левее стоял заслон из легковооруженных воинов, защищавших акрополь. Кавалерия была в резерве. Филипп знал, что его единственным серьезным противником являются фиванцы. Они раньше были его фактическими союзниками, поскольку вторгались в Аттику; именно им поражение было всего опаснее. Кроме того, их войско состояло из опытных ветеранов, подготовленных к войне не хуже македонян. Филипп хорошо знал, скольким обязаны македоняне фиванцам в смысле боевой науки. Соответственно он сам взял на себя командование правым флангом. В центре он поместил подразделения фаланги. Командование тяжелой кавалерией на левом краю, напротив «священного отряда», он поручил Александру, что было огромной ответственностью для восемнадцатилетнего юноши.

Филипп, по сути, применял ту же стратегию, что и в войне с иллирийцами. Его собственный правый фланг был расположен так, чтобы обойти афинян слева, а центр и левый фланг выстроены под углом к линии фронта греков. Таким образом, когда Филипп и его гвардия вступили в бой с афинянами, остальная часть македонского войска продолжала наступать.

I фаза. Македоняне наступают, греки заняли позицию.

II фаза. Филипп отступает, при продвижении его центра и левого фланга. Афиняне, центр и беотийцы наступают на левом фланге, но «священный отряд» неподвижен.

III фаза. Наступление Александра в центре. Филипп наносит удар с фланга, со стороны Гемонской равнины.

За этим неизбежно произошел сдвиг влево у афинян, за которыми автоматически последовали и союзники, стоявшие в центре. Как и предвидел Филипп, афиняне сначала с энтузиазмом перешли в наступление. Заметив, что македонская гвардия будто бы стала отходить, афинский полководец Стратокл потерял голову и начал кричать: «Вперед! Выгоним их обратно в Македонию!» Однако «отступление» Филиппа вовсе не было бегством. Гвардейцы шли сохраняя боевой порядок, держа наготове копья-сариссы. Когда афиняне с воплями бросились в атаку, их центр оказался еще более опасно рассредоточенным, чем прежде. Произошло то, чего ждал Филипп. Македоняне отступили на берег речки Гемус (это название означает «кровавая»), а между войсками греков и Фиванским полком образовался роковой разрыв. Туда и устремился юный наследный принц во главе отборной македонской конницы, нанеся удар в самую сердцевину фиванских сил, в то время как другая кавалерийская часть напала на «священный отряд» с фланга. Вскоре фиванцы попали в окружение, Филипп же, остановив «отступление», начал контратаку с высокого берега реки. Дело, начатое кавалерией, завершила фаланга. После упорного боя силы греческих союзников дрогнули, и они обратились в бегство. Исключение составил «священный отряд». Подобно тремстам спартамцам в Фермопилах, эти триста фиванцев погибли, сражаясь на поле боя (только

46 человек были взяты в плен). Захоронения остальных этих воинов были найдены во время позднейших раскопок. У места их захоронения до сих пор стоит, словно на страже, Херонейский лев.

Когда битва кончилась, Филипп установил «трофей» в честь победы, принес жертву богам и наградил многих своих командиров и солдат за доблесть. Теперь будущее Эллады было в руках царя, но он знал, что и после победы Афины могут доставить ему неприятности. Действительно, через день в Херонею пришли вести, что афиняне вооружают рабов и неграждан и готовятся до конца защищать свой полис. Известно, что Филиппа встревожили эти события. Афинский флот полностью сохранил боеспособность, сохранены были и порт и арсеналы Пирея. Жители Афин могли долго контролировать морские коммуникации и линии снабжения. Поэтому, несмотря на полную победу при Херонее, у царя были основания соблюдать осторожность.

Условия мира, предложенные Филиппом афинянам, неожиданно оказались благоприятными. Трупы убитых афинских воинов должны были быть доставлены для погребения в Афины, 2000 пленных отпущены без выкупа, Филипп гарантировал неприкосновенность сухопутных и морских границ Аттики. Афины сохраняли контроль над рядом островов в Эгейском море. Однако они обязывались оставить все остальные территориальные притязания, распустить Афинский морской союз и стать союзником Македонии. Руководители Афин безоговорочно приняли эти условия Филиппа. В их положении было не до споров, оставалось только надеяться на милость македонского царя. И все же афиняне могли утешаться тем, что получили гораздо лучшие условия, нежели фиванцы. Поскольку Филипп хотел удержать власть в Центральной Греции, Фиванскую державу должно было сокрушить. Поэтому он позаботился о том, чтобы ликвидировать Беотийский союз – зародыш будущей Фиванской империи. Полисам, в него входившим, была возвращена независимость – хитрый дипломатический ход. В Фивах было учреждено марионеточное правительство, а в Кадмее оставлен македонский гарнизон. Фиванских пленных, в отличие от афинян, отпускали за большой выкуп, под угрозой продажи в рабство.

Филипп умел, когда нужно, быть великодушным и не возражал против монумента «священному отряду». Сам воин, он уважал храбрых противников. Он не стал посылать гарнизоны в большинство крупных полисов (собственно, почти во все), но и без того было понятно, в чьих руках реальная власть. Греческие государства сохранили лишь тень прежней независимости.

В память своей великой победы Филипп соорудил в Олимпии круглое здание, известное как Филиппеум. Там есть статуи Филиппа, Олимпиады, Александра, Аминты и Эвридики, выполненные из золота и слоновой кости скульптором Леокаром. Какова была цель сотворения этого странного памятника? Очевидно, Филипп хотел создать священный культ, собственный и своей семьи. Подобное нередко практиковалось в эллинистический и римский периоды. Возросшая власть Филиппа порождала не меньше проблем, чем решала, и одной из них был новый статус царя. Как впоследствии Август, он хотел основать священную власть, и первым шагом в этом направлении, по-видимому, был Филиппеум.

После сооружения Филиппеума стало очевидным, что династические планы Филиппа в течение примерно двадцати лет остаются неизменными, и Александр станет его законным наследником. В этом теперь никто не сомневался.

После битвы при Херонее

Около того же времени царь Артаксеркс был убит своим великим визирем евнухом Багоасом. Персия до ноября пребывала в состоянии близком к анархии, а в столице кипели кровавые интриги. Когда равные соперники уничтожили друг друга, тот же Багоас, усвоив роль кукловода, посадил на трон младшего царского сына.

Едва ли эти события остались не замеченными Филиппом. После приведения Греции к повиновению и ослабления власти в Персии перспективы вторжения в Азию заметно улучшились. Панэллинизм превратился в знамя царя, и война замышлялась как религиозная, с целью мести персам за вторжение Ксеркса в Грецию полтора столетия назад. Оставалось серьезно подготовиться к войне и проверить, до какой степени готов участвовать в этом тот или иной греческий полис. Прежде всего Филиппа беспокоили Афины. Он отправил туда посольство сразу после перемирия, формально – сопровождать останки афинских воинов на родину. Такой жест должен был создать атмосферу доброжелательности, удобную для дипломатии. Филипп назначил послами Антипатра, Алхимаха и Александра. Это был последний случай, когда на Александра была возложена ответственность, соответствующая его рангу (вплоть до кончины Филиппа два года спустя). Визит Александра в Афины, единственный, насколько нам известно, совпал по времени с окончанием для него официального фавора.

Одна из важных задач послов состояла в том, чтобы обсудить дальнейшие планы Филиппа в частной обстановке с ведущими политиками (Фокионом, Ликургом) и проследить за их реакцией. Речь шла об установлении всеобщего мира между всеми полисами Греции, о создании Эллинского союза и подготовке, под руководством Македонии, боевой кампании всех эллинов против персов. Верный принципу «разделяй и властвуй», Филипп с каждым государством заключал отдельный договор. Только Спарта упорно отказывалась от переговоров, а Филипп не настаивал. Когда царь открыл в Коринфе съезд для заключения мира, только спартанцы не явились туда.

Делегаты собрались в начале октября. Филипп немало потрудился, чтобы успокоить их бдительность и погасить подозрения. Для начала он огласил первоначальный вариант манифеста с изложением своих предложений, который и лег в основу дискуссий, но был в основном принят. В главном дело сводилось к следующему: греческие государства заключали между собой мир и союз и создавали федерацию – Эллинский союз, который принимал совместные решения посредством Совета, где каждый полис был представлен согласно величине и военной мощи государства. Постоянный совет пяти председателей (проэдров) должен был заседать в Коринфе, а большой Совет – собираться на регулярные заседания во время общеэллинских фестивалей в Олимпии, Дельфах, Немее и Истме.

В то же время Эллинский союз должен был заключить особый союзный договор с Македонией (хотя сама она не считалась его членом). При этом союз сохранял силу и при преемниках Филиппа. Царь считался вождем (гегемоном) общесоюзных сил (пост, сочетавший военную и гражданскую власть для обеспечения общеэллинской безопасности). Формально считалось, что Совет принимает решения, которые вождь должен проводить в жизнь. Если эллины вели с кем-то войну, они имели право обращаться в Македонию за помощью, и наоборот, если Филипп нуждался в военной помощи, он мог располагать военными частями союза. Он становился не только вождем, но и стратегом-автократором – верховным главнокомандующим всеми силами Македонии и союза на весь период военных действий.

Как бы искусно ни маскировал Филипп свое единовластие с помощью мнимого федеративного устройства, было очевидно, кто располагал реальной властью. Фактически, царю принадлежала не исполнительная, но неограниченная власть, и он мог теперь определять

курс общеэллинской внешней политики, что хорошо понимала большая часть греческих лидеров. Для них новоявленный гегемон оставался полуварварским деспотом, который навязал им свою волю по праву завоевателя. В дальнейшем и Александр получил тяжкое наследство неприязни и враждебности. Эллина подчинились потому, что после Херонеи у них не было выбора, но они постарались бы сбросить македонское ярмо при первом удобном случае.

Подготовив таким образом мирную конференцию, царь вернулся в Пеллу. Филипп всегда стремился избежать династических распрей, между тем сам же он в этот момент вызвал раскол внутри дома, царствовавшего в Македонии, на два непримиримых лагеря и растрепал осиное гнездо интриг знати; все это привело к удалению наследника, прежде пользовавшегося любовью царя, как раз тогда, когда таланты Александра могли особенно пригодиться. Непредсказуемый, как всегда, Филипп решил жениться на Клеопатре, девушке из аристократического рода. Александр же был его сыном-первенцем и признанным наследником. Внезапно Филипп удалил от себя Олимпиаду по подозрению в супружеской измене и стал поощрять слухи о том, что Александр не является его законным сыном. Таким образом, новая брачная авантюра царя приняла довольно неприятный оборот.

Как и следовало ожидать, свадьба проходила напряженно. Когда Александр занял почетное место за столом, он сказал отцу: «Когда моя мать снова выйдет замуж, я приглашу тебя на ее свадьбу». Эта реплика едва ли могла улучшить обстановку. Как обычно, за трапезой было выпито много вина. В довершение всего встал со своего места Аттал, дядя жениха, и предложил тост за то, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился «законный наследник престола». Наконец тайное стало явным, причем таким образом, что никто, и особенно Александр, не мог это проигнорировать.

Александр в гневе вскочил и крикнул: «Ты что же, называешь меня незаконным сыном?!» – и швырнул кубок в лицо Атталу. Завязалась ссора. Филипп, выпивший больше этих двоих, бросился с мечом не на Аттала (который все же оскорбил его сына и наследника), а на Александра. Однако опьянение Филиппа, в сочетании с его хромотой (он был ранен в ногу во Фракии), привело к тому, что Филипп споткнулся о стул и рухнул на пол.

– Вот, почтенные гости, – сказал Александр с ледяным презрением, – человек, который хотел совершить поход из Европы в Азию, а сам не может перейти с ложа на ложе.

После этого он удалился, а к следующему утру они с матерью пересекли границу. Вряд ли приходится сомневаться, что наследник и его мать активно интриговали против Филиппа, чтобы доставить македонскому царю неприятности от всех племен, обитавших в краю западных болот.

Поведение Филиппа, кажется, трудно объяснить рационально. Некоторые древние авторитеты, понимая это, пытались объяснить все тем, что царь потерял голову от любви к Клеопатре. Однако известно, что Филипп никогда не путал брак со случайными любовными связями. Даже если Клеопатра, как потом столетия спустя фаворитка Генриха III Анна Болейн, ставила вопрос по принципу «свадьба – или ничего», у Филиппа все же не было разумных оснований оскорблять Олимпиаду, а тем более Александра, которого он почти двадцать лет готовил к роли собственного преемника. Только одна причина могла бы заставить царя поступить подобным образом: убеждение, хотя бы и необоснованное, что Александр и Олимпиада составили заговор против него самого. Может быть, он не мог решиться на поход против персидского царя, оставив Македонию в руках возможного узурпатора. Он также не мог доверить элитную кавалерию человеку, в чьей верности сомневался. Александром и Олимпиадой следовало пожертвовать. Это понятно, но современному читателю важно, насколько обоснованными были подозрения царя, и здесь мы можем сделать только один вывод: это не доказано. Однако ясно, как такого рода подозрения могли возникнуть. С самого начала Олимпиада поощряла Александра считать себя царем по собственному праву,

а не в качестве преемника Филиппа. Это и было в конечном счете причиной ссор между отцом и сыном, подогреваемых ревнивым темпераментом царицы, которая неизменно принимала сторону Александра.

Естественное соперничество между Александром и его отцом обострилось в связи с битвой при Херонее. Были основания утверждать, что победу Филиппу принес Александр, но Филипп склонен был отрицать это обстоятельство. Олимпиада с детства наставляла сына, что царская власть дарована ему судьбой; Аристотель учил его, что царская власть оправдывается только выдающейся доблестью, то есть аретэ, а посредством законной войны возмездия против персов подобная аретэ, очевидно, могла быть достигнута.

Однако между Александром и предназначенной ему судьбоносной царской властью стояло такое препятствие, как его отец. Филиппу было сорок шесть лет, он сам был полон энергии и не менее честолюбив, чем его сын, однако при этом гораздо более опытен. Именно Филипп начал готовить священный всеэллинский поход против Персии. Именно он, а не Александр получил бы бессмертную славу в случае победы. Александра же, скорее всего, ждало лишь отражение славы отца. Ясно, что у Александра были веские причины желать устранения отца. Однако всей правды мы никогда не узнаем. Если исходить из принципа «кому это выгодно», у Александра были причины стремиться к перевороту до начала войны. С другой стороны, влиятельные люди при дворе, тот же Аттал, а может быть, и Парменион, терпеть не могли высокомерного царевича и его властную мать и готовы были раздуть ссору из ничего, лишь бы их устранить.

Поздней осенью 338 г. до н. э. звезда Александра вроде бы закатилась. Пока Александр и Олимпиада занимались интригами в изгнании, их враги на родине укрепили свои позиции. Полным ходом шла подготовка к войне, а вскоре стало известно, что новая жена Филиппа, Клеопатра, беременна. Казалось, дальнейший ход дела ясен, и мало кто мог предполагать происшедший неожиданный поворот событий.

Гегемон союза

Съезд для заключения мира работал в Коринфе зимой 338—337 гг. до н. э. Весной делегаты наконец подписали «вечный мир» и создали Эллинский союз согласно плану Филиппа. На первом же пленарном заседании они проголосовали за союз «с Филиппом и его потомками» и единодушно избрали Филиппа гегемоном, что автоматически превращало его в председателя союзного Совета. В этом качестве он провозгласил, что Эллинский союз объявляет войну Персии в отместку за святотатственные преступления, совершенные Ксерксом против греческих храмов и других святынь. И это предложение не встретило возражений; впрочем, от делегатов мало что и зависело. Едва ли они могли противиться и назначению Филиппа верховным главнокомандующим «с неограниченной властью» на время этого военного похода. Кроме того, был принят действительно нужный указ о том, что каждый грек, который будет служить персидскому царю, отныне расценивается как предатель. До 15 000 греческих наемников, не говоря о многочисленных врачах, механиках, художниках, дипломатах, получали жалованье от персов.

Филипп воротился из Коринфа довольный собой, тем более что появились слухи, будто в Египте снова начался мятеж. Все, что доставляло тревоги царю Персии, радовало Филиппа. Одно омрачало его радость: в середине лета Клеопатра родила ребенка, и это оказался не мальчик-наследник, но девочка. Царь был настоящим реалистом и сразу сделал для себя выводы. Нельзя оставлять Македонию без признанного наследника, тем более нельзя отправляться в Азию, когда опасный претендент на власть создавал беспокойную ситуацию в Иллирии, а отвергнутая жена царя что-то затевала, находясь при дворе своего брата в Эпире.

Оставалось одно: вернуть и восстановить в правах Александра.

С помощью искусных дипломатических ухищрений это, казалось бы, невозможное дело было сделано. Филипп должен был показать, что Александр остается его избранным наследником, но при этом не допустить, чтобы он снова попал под влияние матери. Поэтому царь решил оставить Олимпиаду в Эпире. Правда, прежние доверительные отношения между отцом и сыном не восстановились. К тому же Филипп постарался добиться, чтобы Клеопатра забеременела снова. Едва ли Александр мог рассчитывать на наследование.

«Освобождение греческих городов»

Ранней весной 336 г. до н. э. войско из 10 000 человек, в том числе тысяча конников, вторглось в Малую Азию. Его задачей была охрана Дарданелл, создание запасов и, по цинично-остроумному выражению Филиппа, освобождение греческих городов. Командовали войском Парменион, его зять Аттал и Аминта, сын Антиоха. Сначала поход Пармениона проходил очень успешно. Хиос и Эритрея перешли на его сторону. Когда Парменион подошел к Эфесу, жители города восстали, свергли проперсидского тирана и приветствовали македонян. Они также воздвигли в храме Артемиды рядом со статуей богини статую Филиппа. Трудно сказать, было ли это сделано по их собственной инициативе или по желанию Филиппа, но этот шаг весьма соответствовал его идее культа правителя. К тому же царь действительно хотел добиться божественного одобрения своих предприятий. Поэтому он отправил посольство в Дельфы (где его почитали как благодетеля), чтобы с обескураживающей прямотой задать вопрос пифии, победит ли он персидского царя.

Однако он получил, как обычно, довольно двусмысленный ответ, гласивший: «Жертвенный бык украшен. Все исполнено. Жрец готов принести жертву». Филипп понял это в том смысле, что персидский царь будет принесен в жертву, и очень обрадовался тому, что Азия попадет в руки македонян.

Июньские события 336 г. до н. э. выглядели обнадеживающе для македонского царя. Пришли утешительные новости из Персии, что очередная вспышка придворных интриг снова увенчалась переворотом и закончилась цареубийством. Ответственным за это снова был великий визирь Багоас. На этот раз убийство привело к тому, что не осталось прямых наследников из династии Ахеменидов. Казалось, Персию снова ожидают междоусобица и анархия, отсутствие сильного правительства и воли к сопротивлению. Однако эти надежды не вполне оправдались. Багоас возвел на престол Кодомана, представителя боковой ветви династии, а тот, воцарившись под именем Дария III, начал с того, что отравил Багоаса тем же ядом, который тот применял против других. Такое начало на время прекратило всякие дворцовые интриги. Дарий III был не таким противником, которого можно недооценивать.

Между тем в Эгах, древней столице Македонии, готовилась свадьба сестры Александра Клеопатры с ее дядей, эпирским царем. Филипп хотел устроить по этому случаю пышное празднество, свидетельствующее о величии царской власти, хотел произвести впечатление на эллинов, показать, что он не просто военный деспот, но учтивый и щедрый государственный муж. Он планировал устроить множество пиров, игр, музыкальных фестивалей и «щедрых жертвоприношений». В разгар этих приготовлений молодая царица родила сына. Слово для того, чтобы подчеркнуть будущий статус новорожденного, царь назвал его Караном, в честь мифического основоположника династии Аргеадов.

Изоляция Александра при дворе стала почти полной. Среди окружения царя только Антипатр мог стать потенциальным союзником Александра. Однако вместе с родней жениха из Эпира прибывал один союзник, который в глазах Александра стоил остальных. Филипп не мог помешать приезду Олимпиады в качестве гостьи из Эпира. Александру, Антипатру и бывшей царице было о чем поговорить при новой встрече.

На второй день празднования намечались игры. С раннего утра все места в театре были заняты. Зрители увидели торжественную и величественную процессию. За статуями двенадцати богов следовала статуя самого Филиппа «в божественном обличье» – таким образом, статуи составляли «несчастливое» число тринадцать. Гости-эллины начали понимать, что эта пропаганда – не простая лесть. Наконец появился сам Филипп между двух Александров – сыном и новым зятем. Он велел придворным телохранителям идти на расстоянии, так как

хотел показать, что его «хранит добрая воля всех эллинов, и он не нуждается в защите копье-носцев».

Когда царь дошел до входа на арену, молодой телохранитель извлек из-под плаща короткий клинок, бросился вперед, нанес Филиппу удар в грудь и убил его на месте. Затем убийца побежал к городским воротам, где его ждали лошади. На считанные мгновения все замерли, пораженные случившимся, потом группа молодых македонских аристократов бросилась в погоню за убийцей. Он споткнулся о корень виноградника и упал. В этот момент преследователи настигли его и пронзили копьями.

Убийцей Филиппа был один из его телохранителей, Павсаний из Ореста. За год или два до того Филипп, привлеченный необыкновенной красотой юноши, сделал его своим любовником. Когда царь поменял свою гомосексуальную привязанность, Павсаний устроил грандиозную сцену ревности новому фавориту, называя его гермафродитом и другими позорными прозваниями. Юноша доказал свою мужественность тем, что ценой собственной жизни спас жизнь Филиппа в битве с иллирийцами. Как оказалось, он был к тому же другом Аттала, на племяннице которого был женат Филипп. Аттал решил отыграться на Павсании. Он пригласил его на ужин, напоил до бесчувствия, после чего хозяин и гости надругались над несчастным юношей. Когда Павсаний пришел в себя, он отправился к царю с жалобой на Аттала. Филипп попал в трудное положение. Он не хотел давать ход делу, придумывая извинения и оправдания, и в конце концов замял этот случай, решив, что все скоро забудется. Но он ошибся.

Эта история о противоестественных связях и мести едва ли удовлетворительно объясняет мотивы убийства Филиппа. Так считали и древние исследователи. Понятно, что у убийцы были основания не любить Филиппа, но его подлинным врагом был Аттал, которого, к счастью для него, не было в это время в стране. Филипп всего лишь не совершил правосудия. Сомнительно, чтобы Павсаний убил Филиппа только по личным мотивам и не имел сообщников. Плутарх говорит, что «более всего обвиняли Олимпиаду», которая своими речами подогревала гнев юноши и будто бы подстрекала его на преступление. Надо сказать, что ее дальнейшее поведение показывает, что она могла ждать смерти мужа и при этом открыто торжествовала по поводу случившегося. Возможно, Олимпиада хотела отвести подозрения от самого Александра, которому совершенное Павсанием было выгоднее, чем кому бы то ни было. Труп убийцы был распят, и той же ночью Олимпиада возложила на его голову золотую корону. Через несколько дней она сняла тело, сожгла над прахом Филиппа и захоронила рядом. Ежегодно в годовщину убийства она совершала там обряд возлияния. Как и сын, Олимпиада не прощала оскорблений и в своем мщении проявила жестокость, достойную самых мрачных страниц Ветхого Завета.

Сам Александр, конечно, тоже навлек на себя подозрения: все понимали, что новорожденный сын Клеопатры представлял серьезную угрозу для него как для наследника. Говорят, Павсаний, не добившись правосудия от Филиппа, рассказал Александру о своем оскорблении, а тот ответил загадочной цитатой из Еврипида: «родич невесты, жених и невеста», что могло быть истолковано как призыв к убийству Аттала, Филиппа и Клеопатры. Далее, молодые аристократы, которые преследовали и убили Павсания, были близкими друзьями Александра. Та же Олимпиада могла приблизить к себе оскорбленного юношу и даже обещать ему награду и почести, если бы он, вместе с тремя орестийскими аристократами, участвовал в царевубийстве. Будто бы даже были приготовлены лошади для всех четверых. Павсанию только не сообщили о подлинной роли остальных заговорщиков. Они должны были не убивать Филиппа, а заставить замолчать самого Павсания, который чересчур много знал и после исполнения своей роли был не нужен.

Однако косвенные свидетельства не могут считаться вескими доказательствами, хотя люди порой основывают свои суждения и на более шатких доводах. Мотивы преступле-

ния были достаточными, а стечение обстоятельств – очень благоприятным. Разумеется, едва Александр утвердился на престоле, все рассуждения о его возможной вине быстро сошли на нет. Большинство предпочитало молчать о том, что знало или подозревало, и попытаться найти свое место при новом режиме. «Король умер – да здравствует король!»

Глава 4

Ключи царства

После того как тело Филиппа было убрано и порядок в какой-то мере восстановлен, Антипатр представил Александра македонской армии, которая сразу провозгласила его царем. Было, конечно, еще по крайней мере два кандидата на трон – зять Филиппа Аминта и маленький сын Клеопатры Каран. Но они в то время не представляли реальной угрозы. Аминта не был узурпатором, а посадить на трон ребенка означало получить новое регентство, чего никто не хотел. А если бы Александр начал с династических «чисток», это произвело бы наихудшее впечатление и на родине, и за границей. Поэтому Александр пока оставил в покое и Аминту и Карана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.